

# ОБВИНЯЕТСЯ... СВАДЬБА

*Зрители часто спрашивают моих коллег, сценаристов и режиссеров, как возникает, как складывается замысел той или иной картины. Эти заметки — попытка не только ответить на подобные вопросы, но и пригласить читателя, зрителя вместе со мной, автором, поразмышлять над ситуацией, которая меня лично очень взволновала. Настолько, что есть желание на основе случившегося снять фильм. А может быть, то, о чем я здесь расскажу, не «тянет» на серьезный разговор с экраном? Хотелось бы узнать мнение читателей, познакомиться с их суждениями по поводу того, о чем я здесь пишу.*

Вся свадьба присутствовала на суде: зареванная, взаимно обозленная, побитая, несчастная. Виновных на скамье подсудимых было лишь несколько. Создавалось, однако, впечатление, что судили всю свадьбу. Парадокс?

Цепь парадоксов в свое время обступила меня, когда я работал над фильмом «Грачи». Парадоксы помогали и озадачивали. Запутывали и осложняли. И неожиданно выводили на нужное решение.

Цепь парадоксов обступает меня и нынче. В связи с рождением нового фильма. Новые вопросы, новые парадоксы.

Как и в предыдущем фильме «Грачи», основой будущей ленты послужит опять-таки реальное судебное дело. Познакомившись с ним, понял: не могу не сделать об этом фильм, совесть, гражданский долг велят, да не прочтется это как громкие слова.

Во время свадьбы был убит ножом один из гостей, девятнадцатилетний парень — игрок защиты юношеской футбольной команды. Убийство произошло возле кафе в парке, когда свадьба уже расходилась по домам. Он лежал на низкой парковой скамейке, как лежал однажды после полученной травмы на скамейке для запасных.

Свадьба эта с самого начала двигалась по расписанию или, как еще теперь говорят, по протоколу. Это была «типовая свадьба», все там было «как у людей». И помещение арендовано самое типовое: кафе «Вареничная». И тамада был приглашен из бюро добрых услуг, и инструментальный ансамбль оттуда же. И несколько престижных гостей: хоккеист из команды «Сокол», директор одного «дефицитного» магазина...

Но что-то настораживало в этой свадьбе с самого начала. Очень уж все было регламентировано на ней, до скучного, до тоски. Никакой инициативы, никакой живой импровизации. Вернее, «импровизация» потом все-таки была, но та, роковая, со смертельным исходом.

Невинная вроде бы фигура — тамада. Нет, к убийству отношения он не имел, заметим сразу. С незаконченным даже театральным. Ну как же, многие ведь сейчас пользуются услугами всевозможных бюро. Приглашают людей для произнесения речей, что называется, профессионалов. И те произносят. В общем, сервис...

ОДНАЖДЫ мне довелось самому ощутить в случае довольно грустном, как «добрая услуга», поправ всякую инициативу со стороны нас, горстки бывших школьных товарищей, на похоронах умершего нашего одноклассника, шагнула в нашу память, в наше прошлое и, произведя там некую бестактную ревизию, совершила в сущ-

ности надругательство над памятью о нашем товарище, над нами, и, главное, мы ничего не смогли с этим поделать, бессильны были вметаться, противостоять. Почему? Во-первых, мы оглушены были случившимся, о похоронах мы узнали слишком поздно, собрались наспех, вообще удивительно, что все-таки собрались, время уже изрядно раскидало, разлучило нас. И было-то нас человек пять, не больше, стоявших жалкой стайкой на морозе, парализованных, скованных скорбным событием уже далеко не молодых людей. Помню, кто-то из нас поначалу хотел сказать несколько слов, но кто-то из нас же, кажется, и заметил: «Все взяло на себя бюро услуг... Так теперь принято».

И вот вышла коренастая дама с шиньоном на голове, возможно, выпускница института культуры, и, как тот знаменитый чеховский оратор, стала нести благоглупости о совершенно неизвестном ей нашем товарище, как, дескать, этот товарищ учился в школе «только на пять и четыре» и как последующая жизнь этого товарища была усыяна лаврами и благами деяниями. Мы-то знали, что не был наш товарищ никогда отличником, учился на одни только тройки, но был славным парнем, который читал на предпоследней парте записки Майн Рида, Купера и Диккенса, а позже Ромена Роллана и Достоевского. Бывало, он сидит за партой, углубленный в чтение, держа на коленях пухлую зачитанную книгу, тербя при этом свой похожий на петушиный хвост, расходящийся в разные стороны чуб; и вдруг учительница называет его фамилию, и он, выхваченный внезапно из мира майнридовских страстей, смотрит близоруко и виновато по сторонам, придерживая рукой сползающую с колен книгу. И я хорошо помнил эту его растерянную, незащищенную улыбку. «Показал хотя бы, что читаешь». — говорила снисходительно учительница. И они, как искушенные книгогои, начинали обмениваться друг с другом опытом прочитанного. И мы их разговоры даже немного завидовали. Конечно, читал он вроде бы в ущерб урокам, знаниям, но кто из нас мог похвастаться тогда таким количеством «проглоченной» литературы. Он был любознателен и добр.

Все это мне хотелось сказать там, на похоронах. Сказать без помпы, без вранья. Но мешал комок в горле и мощный, волевой напор коренастой дамы с шиньоном на голове. Теперь мне стыдно за тогдашнее мое малодушие. А надо было нарушить эту фальшиво-благостную речь. Был, однако же, риск, что не все меня поймут правильно, по-прежнему ведь есть много сторонников у этого вида сервиса. А морозостойкая дама из бюро тем временем победно вела нашего покойного товарища по его героической фальшивой биографии с вымышленными грамотами и досками почета. И до сих пор мне стыдно, что я не прервал эту речь, а наш товарищ ушел из жизни, как бы обкраденный этой дамой, ее бездарными «приписками», ее фальшивым скорбно-мажорным тоном. Я вижу иногда его улыбку «нерадивого» ученика, застигнутого за внепрограммным чтением, но к этой улыбке добавилась теперь и горькая его усмешка в мой, я полагаю, адрес.

ЧТО-ТО подобное упомянутому ритуалу, кажется мне, было заложено изначально и в этой свадьбе во главе с протокольной тамадой, что-то неистинное и натужное, обнаруживающее, скажем для начала, просто неумение непосредственно и искренне веселиться, это лишь поначалу, а там и неспособность проявить самостоятельность, инициативу, скажем, в обуздании хулигана, дебошира, а вскоре выяснится, и убийцы.

Сдается мне, что здесь, в этой повальной опоре на сервис есть серьезная опасность (я не хотел бы, чтобы меня поняли так, будто я против сервиса вообще, я против сервиса в сфере духовной, поскольку никакой сервис не заменит душевного, искреннего расположения, человеческого общения, свободного и незаемного веселья или искренней скорби, от души сказанных слов).

Сегодня, при нашей бесспорной общей культуре, есть основания быть обеспокоенным так назы-

ваемой культурой тиражированной, поточной, которая в итоге оборачивается так называемым среднекультурьем, граничащим порой с бездуховностью. Сегодня, когда атрибуты внешней культуры как бы налицо (инструментальные ансамбли, магнитофоны, диски, модная элегантная одежда — все это окружает в достаточном изобилии нашу молодежь), есть, однако, смысл говорить об опасности потери культуры внутренней, о ее дефляции. Вот почему так тревожно симптоматична фигура наемного тамады (затейника) на современной свадьбе или фигура коренастой женщины в шиньоне на похоронах.

Но вернемся непосредственно к свадьбе. Многие на ней было настолько типично, что даже район, из которого появились на свадьбе непрошенные гости, кажется придуманным, нарочным — «Ветряные горы». И парень, вступившийся за девушку и получивший смертельный удар ножом, тоже как бы придуман, за весь вечер, например, он не выпил ни рюмки, соблюдал спортивный режим. И он действительно невооруженным пошел навстречу бандиту. И то, что рядом стояла группа ребят, но не вмешалась, тоже кажется малоправдоподобным. Но все это было именно так, как ни странно, начиная с появления на свадьбе непрошенных гостей с «Ветряных гор».

Надо признать, что фигура рецидивиста по кличке Граф не была шаблонной или стереотипной. Сначала он выглядел на свадьбе этаким бедным родственником, но очень быстро понял всю картонность этой свадьбы, отсутствие в ней внутреннего стержня, должного запаса самостоятельности, инициативы, что свадьба эта развалится при первом же отклонении от регламента. Пришельцы очень скоро почувствовали, что попали в свою стихию, поняли, что свадьбой этой можно вертеть как хочешь и куда хочешь. И завертели. Иначе говоря, у свадьбы появились свои новоиспеченные режиссеры, и очень быстро скис, сломался приглашенный тамада с незаконченным высшим актерским. Он ведь просто отравлялся, как говорят, «бабки» и что ему было до этой свадьбы. Не родственник, не друг, не сосед. А тем, непрошеными, все делалось широко и со смаком и даже с известной долей артистизма и выдумки. Обидно! Досадно! Как же бывает иногда динамично и изворотливо зло и беспомощно и прямолинейно добро! Но, может быть, тогда это уже «не добро»! Почему хулигану вооруженному противостоял лишь один «игрок защиты»? Безоружный, он только успел голый ладонью попытаться схватить нож: судебномедицинская экспертиза обнаружила на правой его ладони следы от лезвия. А остальные при виде ножа струсили, «слиняли». И никто не помог одинокому «игроку защиты». Ни товарищи, что стояли рядом, ни тем более тамада из бюро добрых услуг. Ни у кого не нашлось инициативы. Смотрели и молчали. Так кто же убил «игрока защиты»?

И судья обращается к сидящим в зале многочисленным участникам этой «горькой» свадьбы, сурово и непессенно:

— Так кто же убил игрока защиты?

Молчание. Виноватые, потупившиеся глаза.

Убийца пойман. Убийца осужден. Однако судья все-таки вынужден обратиться и ко всей свадьбе в целом:

— Я обвиняю... свадьбу! Да, да, именно всю свадьбу в целом!

Таково частное определение, вынесенное судом.

Может быть, с точки зрения юридической это не вполне корректная формула. Скорее, судейский парадокс. Но в нем, как в парадоксе, есть момент сгущения, конденсации истины.

Сколько их нынче играет — свадеб. И часто есть в них одна тревожащая черта: размах ради размаха, престижность ради престижности. Не более. Души в них маловато. Незаемного веселья.

Вот, собственно, некоторые размышления, возникшие у меня на стыке фильма, уже снятого, и фильма, который хотелось бы снимать.

Константин ЕРШОВ,  
кинорежиссер.